

УДК 343.13
DOI 10.52452/19931778_2022_4_83

ПРОБЛЕМЫ, СЛОЖИВШИЕСЯ ВОКРУГ РЕАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, И ИХ РЕШЕНИЕ

© 2022 г.

С.И. Гирько

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва
syvorina959134@mail.ru

Поступила в редакцию 29.05.2022

На основе анализа основных проблем, связанных с феноменом преступности в уголовно-исполнительной системе, исследуется состояние уголовно-процессуальной компетенции субъектов процессуальных правоотношений – органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы и принудительных работ и содержащих осужденных в исправительных центрах. Автор приходит к заключению о том, что она не соответствует задачам противодействия пенитенциарной преступности. На основе анализа данных о преступлениях лиц, осужденных к лишению свободы и содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, граждан, оказавшихся в расположении исправительного учреждения в силу разных причин, и других субъектов, содержащихся в соответствующих ведомственных статистических формах сведений о совместной криминальной активности осужденных и персонала исправительных учреждений изучается вопрос о соответствии официально регистрируемых сведений о состоянии пенитенциарной преступности реальному ее состоянию.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, уголовно-процессуальная компетенция субъектов уголовно-исполнительной системы, уголовно-процессуальные полномочия, исправительное учреждение, пенитенциарная преступность, латентность пенитенциарных преступлений, криминологические характеристики преступности в уголовно-исполнительной системе, состояние пенитенциарной преступности, субъекты пенитенциарных преступлений.

Научные и практические проблемы, которые непосредственно связаны с преступностью в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) и, с нашей точки зрения, поддерживают феномен пенитенциарной преступности на довольно высоком уровне, не демонстрируя ее реального состояния, можно сгруппировать в несколько взаимосвязанных блоков. Им соответствуют и направления научного поиска в целях определения наиболее эффективных путей решения.

В числе таких направлений научных исследований можно, прежде всего, выделить проблемы уголовно-процессуальной компетенции УИС, ее отдельных органов и учреждений (субъектов); подготовки специалистов, обладающих профессиональными навыками деятельности по производству дознания, организации и осуществлению первоначальных процессуальных и следственных действий по горячим следам преступлений, совершаемых на территории (в расположении) исправительных учреждений, реализации и процессуальному закреплению материалов оперативно-разыскной деятельности; взаимодействию с субъектами предварительного следствия, входящими в структуры органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации.

Уровень и объем уголовно-процессуальных полномочий субъектов УИС напрямую затрагивает также и состояние безопасности пенитенциарных учреждений, среди которых прежде всего необходимо выделить учреждения, исполняющие наказания лиц, осужденных к изоляции от общества.

Отметим также, что не случайно в последние годы значительное число исследователей обращалось к проблемам уголовно-процессуальной деятельности ФСИН России, УИС, их органов и должностных лиц [1, с. 103–108; 2, с. 161–174; 3, с. 26–28; 4, с. 110–116; 5, с. 216–219].

Еще один не менее объемный блок проблем касается пенитенциарной преступности. В этом плане обращает на себя внимание не только латентность преступлений данного вида, которая, как показывают научные изыскания, значительно искажает данные об уровне преступности в УИС, но и организация учета пенитенциарных преступлений, недостатки в их классификации, нашедшие отражение в существующих статистических отчетах по соответствующим формам ведомственного учета данных о преступности в УИС.

Отметим, что криминологи, изучающие пенитенциарную преступность, за редким исключением, едины во мнении о том, что реальная картина состояния пенитенциарной преступности искажена.

Значительная часть научных исследований посвящена проблемам уголовной политики России, а также сложившейся судебной практике, согласно которой приоритет при определении наказания за преступления, в том числе и обладающие значительной общественной опасностью, все чаще принадлежит мерам, не связанным с лишением свободы. При этом возникает значительный перекос в пенитенциарной политике, когда исправительные учреждения, предназначенные для исполнения приговоров, связанных с изоляцией от общества, оказываются незагруженными, но в то же время значительной перегрузке подвергаются органы и учреждения УИС, исполняющие наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества. И прежде всего названная проблема относится к деятельности уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров, на долю которых выпадает исполнение таких «модных» наказаний, как исправительные работы, ограничение свободы и принудительные работы.

Простое перечисление проблем, находящихся в сфере деятельности УИС, может создать ошибочное представление о том, что названные и многие другие проблемы практики, которые обоснованно исследуются учеными, не связаны между собой и каждая из них носит достаточно обособленный характер. Заметим, что такое положение вещей не соответствует действительности, и кажущаяся их дискретность не имеет ничего общего с реальностью.

Смеем гипотетически утверждать, что перечисленные проблемы органически связаны между собой и их комплексность требует своего решения как в целях повышения качества противодействия пенитенциарной преступности, так и эффективности функционирования всей уголовно-исполнительной системы в целом.

Процессуальный статус начальников исправительных учреждений (далее – ИУ) как самостоятельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, как известно, был существенно изменен с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК).

Так, если в дореформенном УПК РСФСР согласно п. 4 ст. 117 уголовно-процессуальными полномочиями органов дознания и, соответственно, статусом органа дознания обладали начальники исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых и воспитательно-трудовых профилакториев, то с принятием УПК названные полномочия руководителями ИУ были утрачены в полном объеме.

Согласно УПК РСФСР подследственность начальников ИУ ограничивалась делами о преступлениях: против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений; совершенных в расположении ИУ, а также делами о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений. Очевидно, что по фактам таких преступлений орган дознания имел процессуальные полномочия на проведение доследственной проверки, возбуждение или отказ в возбуждении уголовного дела, проведение всего спектра процессуальных и следственных действий, производство дознания в полном объеме, а также неотложных следственных действий по делам, по которым предусмотрено производство предварительного следствия.

Не случайно, по нашему мнению, процессуальными полномочиями были наделены исключительно начальники ИУ, которые исполняли наказания в виде лишения свободы, – режим таких учреждений связан с изоляцией осужденных от общества и выпадением последних в случае совершения преступления в период отбывания наказания в расположении ИУ из-под юрисдикции территориальных органов внутренних дел.

Впоследствии субъекты УИС свои процессуальные полномочия органов дознания утратили, и в формате нового УПК для начальников органов и учреждений системы в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 157 регламентировано лишь право на производство неотложных следственных действий по той же категории уголовных дел.

В дальнейшем уголовно-процессуальная деятельность в УИС была заблокирована и в настоящее время практически не проводится. Так, если, к примеру, в 2012 году, согласно статистическим данным, в ИУ проведена работа по 13,4 тыс. материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2018 году таких материалов было 2666, то в 2020 году данный показатель оказался равным нулю [6].

Но так ли уж УИС в действительности исчерпала свои процессуальные потребности? Исходя из статистики – как будто бы да, в реальности же, как показывают исследования ученых, – далеко нет.

В разные годы нами проблеме восстановления и расширения уголовно-процессуальных полномочий УИС были посвящены специальные разработки [7, с. 73–79; 8, с. 390–395]. Несмотря на внешнюю заинтересованность руководства ФСИН России в решении данной проблемы, в практическом аспекте за последнее время каких-либо практических шагов принято не было.

Более того, так же не предпринято никаких организационных и практических мер для подготовки в образовательных учреждениях ФСИН России кадрового состава УИС со специализацией по производству дознания. Пути и этапы решения названной проблемы мы предложили в одной из своих публикаций [9, с. 6–14].

Проведенные автором исследования также подтвердили непосредственную зависимость между состоянием и объемом процессуальных полномочий органов и персонала УИС, статусным положением ФСИН России в формате УПК и обеспечением безопасности ИУ, исполняющих наказания, связанные с изоляцией осужденных [10, с. 57–59].

Возникает вполне справедливый вопрос: по какой причине и с какими аргументами проблема наделяния уголовно-процессуальными полномочиями, как минимум в объеме утраченных, не решается и даже не рассматривается на уровне руководства ФСИН России? Полагаем, что таких аргументов может быть не так уж и много.

Прежде всего, как нам представляется, позиция скептиков может обосновываться тем, что уровень пенитенциарной преступности, отражаемый статистикой, в течение последних десяти лет остается стабильным и не превышает 1.3 тыс. преступлений в год.

Второе. С подобным объемом следственной работы, когда с учетом отказных материалов количество реально возбужденных и расследованных следственными подразделениями МВД и Следственного комитета уголовных дел имеет такие же стабильные показатели (в пределах 400 дел в год), без особой сложности справляются названные органы предварительного расследования. При этом с учетом фактического объема работы по расследованию для следственных органов обоих федеральных ведомств названная нагрузка по расследованию пенитенциарных преступлений не может выглядеть ощутимой. Представляется, что с резким увеличением таковой «относительно благостная» ситуация неизбежно изменится.

Полагаем, что перманентное ухудшение уголовно-процессуального статуса УИС и последовательное сокращение объемов процессуальной деятельности субъектов службы вплоть до полного сокращения позволило решить и еще одну «имиджевую» проблему – минимизировать, с одной стороны, претензии органов прокурорского надзора к состоянию уголовно-процессуальной деятельности персонала ИУ, а с другой – значительно сократить их представления в этой части в адрес руководства ФСИН России. Известно также и действующее по сей день ука-

зание Генерального прокурора РФ от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», которым закрепленное законом право у указанных выше субъектов УИС на принятие решений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела было изъято.

Подводя промежуточный итог сказанному, можно с достаточной долей уверенности констатировать, что перспектива решения вышеизложенных проблем в значительной мере зависит от состояния пенитенциарной преступности, а точнее от криминологических показателей последней: уровня, динамики, структуры, но прежде всего от ее количественных параметров.

В этой плоскости, с нашей точки зрения, полезно кратко проанализировать проблему состояния пенитенциарной преступности и точности учета ее полноты и количественных показателей через призму ведомственных статистических форм, введенных ФСИН России.

Несмотря на то что в научной литературе существуют различные подходы к понятию пенитенциарной преступности и ее субъектному составу [11, с. 10; 12, с. 216–219; 13, с. 596; 14, с. 9; 15], мы исходим из того, что будет вполне обоснованным к числу пенитенциарных преступлений, основываясь на положениях п. 5 ст. 157 УПК РФ, отнести преступления, совершенные осужденными, отбывающими наказания, связанные с изоляцией от общества; сотрудниками соответствующих учреждений и органов (персонал ИУ) против установленного порядка несения службы; преступления, совершенные в расположении ИУ иными лицами. К числу последних как раз и относятся те субъекты, которые в силу служебных обязанностей или исполнения договорных отношений, а также по различным другим, в том числе и личным, причинам оказались в момент совершения преступления на территории (в расположении) ИУ.

Очевидно, что к числу таких субъектов должны относиться не только лица, осужденные к лишению свободы и содержащиеся в тюрьмах и следственных изоляторах, но также и осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, но в период отбывания наказания постоянно проживающие на территориях исправительных центров и именно там совершившие преступления.

Каким же образом и насколько скрупулезно отражаются в статистике все названные компоненты пенитенциарной преступности, которые в своей совокупности и призваны формировать точное представление о ее количественном состоянии, структуре и масштабности?

Несомненно, основную долю пенитенциарных преступлений составляет преступность осужденных к лишению свободы и содержащихся в ИУ разной направленности и с различными уровнями ограничений и режима изоляции.

Заметим, что, как правило, когда речь заходит о состоянии пенитенциарной преступности и анализируются ее уровень, структура и динамика, приводятся цифры, взятые из статистической формы 2-УИС. Именно исходя из нее определяется количественный показатель пенитенциарных преступлений по годам: 2012 год – 1280 преступлений; 2013 – 1256; 2014 – 1106; 2015 – 1179; 2016 – 1144; 2017 – 1190; 2018 – 1248; 2019 – 1331; 2020 – 1184 [16].

Обратим внимание, во-первых, на то, что названная выше статформа учитывает преступления, совершенные лицами, содержащимися в учреждениях УИС, а именно отбывающими наказания в виде лишения свободы в ИК общего, строгого и особого режима, включая пожизненное лишение свободы; следственных изоляторах; тюрьмах; лечебных исправительных и профилактических учреждениях; воспитательных колониях.

Во-вторых, на то, что цифровой ряд по годам имеет незначительную динамику и создает впечатление, что он в значительной степени отрегулирован субъективно и в силу этого не отражает реального состояния уровня преступности данного вида.

Приведенное суждение иллюстрируют и выводы конкретных научных исследований проблем пенитенциарной преступности, свидетельствующие о необъективности официальных статистических данных, а также высоком уровне латентности пенитенциарных преступлений. В частности А.Б. Ваганова, обратившего внимание на практику «сокрытия фактов совершения преступлений администрацией ИУ» [11, с. 10]; А.Е. Шалагина, выводы исследования которого показали, что «администрация любого пенитенциарного учреждения не заинтересована в росте числа уголовно наказуемых деяний на подконтрольной территории» [5, с. 216–219]; В.Г. Громова, подчеркивавшего, что «в интервью 70% сотрудников ИУ отмечается, что среди осужденных латентность правонарушений достаточно велика, при этом в основном выявляются преступления против жизни и здоровья, но практически не выявляются преступления против чести и достоинства, против половой свободы и половой неприкосновенности» [17, с. 42–43].

На противоречивость продекларированных статистических данных и реальной обстановки с пенитенциарной преступностью в своих трудах обращает внимание также А.А. Примак [18, с. 25] и многие другие специалисты [19, с. 149–154].

Все вышесказанное позволяет сделать однозначный вывод о том, что данные, приведенные в названной выше статистической форме и воспринимаемые в качестве единственного источника сведений о пенитенциарной преступности, фактически реальную картину состояния такой преступности не отражают, как минимум по нескольким показателям.

Более того, оценка динамики названных сведений создает определенное мнение об их надуманности и заданности, как мы полагаем, в целях формирования мнения о стабильности состояния пенитенциарной преступности и демонстрации невысоких параметров ее уровня и динамики. Каков же на самом деле показатель преступности осужденных к лишению свободы? Полагаем, что сегодня такую оценку можно определить опираясь исключительно на экспертные оценки, некоторые из них мы привели выше.

Кратко остановимся также на сведениях, характеризующих преступность осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Интерес в этой группе, прежде всего, представляют лица, осужденные к принудительным работам. Такие лица в период отбывания наказания, как правило, проживают в исправительных центрах, в условиях изоляции и, исходя из практики, совершают преступления как на территории исправительного центра, так и по месту работы. С нашей точки зрения, преступления такого рода, безусловно, должны учитываться как пенитенциарные и входить в «валовые показатели» названных преступлений.

Какое же количество таких преступлений совершается ежегодно?

Согласно данным ведомственной статистики [20], в отношении осужденных названной категории в 2020 году было возбуждено 147 уголовных дел, в том числе 51 – в связи с совершением тяжких и особо тяжких преступлений. При этом 22 таких осужденных были сняты с учета в связи с осуждением. Кроме того и «по другим причинам», среди которых вполне может присутствовать и быть скрыто привлечение к уголовной ответственности, – еще 248 лиц. К сожалению, названная статистическая форма не содержит информации о количестве преступлений, совершенных осужденными данной категории, однако, принимая во внимание сведения о возбужденных уголовных делах, можно сделать определенный вывод о том, что количество пенитенциарных преступлений, совершенных осужденными к принудительным работам, составляет не менее 150 – 200 ежегодно.

Очевидно, что названные преступления в общей статистике пенитенциарных преступлений не учитываются.

Преступления, совершаемые персоналом УИС, отражаются в ведомственной статистической форме ФСИН-7 – работа с личным составом (квартильная) в разделе 04 – сведения о преступлениях среди сотрудников УИС. Следует заметить, что количественный учет преступлений в данном случае происходит в части отдельных их видов. И, как нам видится, в этом смысле статистическая информация, содержащаяся в названном источнике, не дает целостного представления о состоянии преступности среди персонала УИС.

Тем не менее попытаемся сформировать «собираемый образ» таких преступлений.

Согласно статистической информации, в УИС наиболее часто совершаются и отдельно учитываются следующие виды преступлений: ст. 159 УК РФ – мошенничество; ст. 160 УК РФ – присвоение или растрата; ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями; ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий; ст. 290 УК РФ – получение взятки; ст. 291 УК РФ – дача взятки; ст. 292 УК РФ – служебный подлог, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, содержащиеся в ст. 228 УК РФ.

Согласно данным официальной статистики 2019 года, количество сотрудников УИС, в отношении которых возбуждены уголовные дела, составило 398 чел. При этом в отношении 217 вынесены обвинительные заключения и дела направлены в суд, а в отношении 139 – обвинительные приговоры.

Выше отмечено, что статистическая форма содержит сведения о количестве преступлений отдельных видов. Так, в 2019 году сотрудниками УИС совершено 10 мошенничеств (ст. 159 УК РФ); 39 фактов превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ); 79 преступлений, связанных с получением и дачей взятки (ст. ст. 290, 291 УК РФ); 22 преступления, связанные с наркотиками (228 УК РФ) [21]. Характерно, что только при элементарном подсчете приведенной информации можно обнаружить 150 преступлений, не учтенных в статистике пенитенциарных преступлений.

Совершенно очевидно, что единственная ведомственная статистическая форма, в которой фиксируются отдельные сведения о количестве и структуре преступлений, совершаемых персоналом УИС, в конечном итоге целостной картины преступности персонала УИС, как еще одного значительного фрагмента пенитенциарной преступности, не содержит.

Заметим, что преступность персонала ИУ обладает не меньшей латентностью, чем кри-

минальные проявления осужденных. Причем факты таких массовых преступных действий, как правило, выявляются в ходе адресных выездов ФСИН России или надзорных проверок органов прокуратуры, до проведения которых они скрыты.

Назовем только отдельные примеры. Так, «в апреле 2020 года произошел бунт в ангарской ИК-15, в ходе которого погиб заключенный и сгорела промзона. В январе 2021 года по решению руководства ФСИН России в Иркутской области прошла проверка, итогом которой стали девять уголовных дел о пытках, установлено 75 потерпевших и 40 причастных к истязаниям» [22].

Дополняют картину итоги еще одного надзорного реагирования: «После ЧП в ярославской колонии Генпрокуратура провела множественные проверки, результатами которых стало возбуждение 15 уголовных дел по фактам применения насилия к осужденным сотрудниками ФСИН» [23].

Сколько среди таких нарушений фактов совершения преступлений сотрудниками ИУ – остается вопросом, поскольку официально в статистике подобная информация в полном объеме не отражена.

Сказанное выше позволяет со всей очевидностью констатировать, что преступления, совершенные сотрудниками УИС, так же как и преступления осужденных, обладают высокой степенью латентности и их количественные и качественные характеристики, зафиксированные в данных официальной статистики, не отражают реального состояния преступности персонала УИС.

Наконец, еще одна составляющая пенитенциарной преступности – преступления, совершенные иными лицами, оказавшимися в расположении ИУ в силу различных служебных и личных причин. К этой категории субъектов мы относим: гражданский персонал ИУ, родственников осужденных, адвокатов, сотрудников правоохранительных органов и др.

Заметим, что специальный акцентированный ведомственный учет преступлений, совершенных субъектами данной категории, во ФСИН России не ведется. Однако отдельные такие сведения содержит статистическая форма СБ-1.

Так, согласно сведениям названной статформы, за передачу осужденным запрещенных предметов в 2020 году было задержано более 1400 граждан, среди которых: 7 – сотрудники правоохранительных органов, более 580 – родственники осужденных в ходе свиданий и передач, 538 граждан – при перебросах запрещенных предметов, 33 – представители гражданского персонала ИУ, адвокат. Всего за подоб-

ные действия 187 граждан привлечены к уголовной ответственности. Информация о конкретном количестве пенитенциарных преступлений, за совершение которых названные субъекты привлечены к уголовной ответственности, в указанной статистической форме, к сожалению, не содержится.

С определенной долей вероятности можно высказать суждение о том, что пенитенциарные преступления названной выше категории субъектов, прошедшие официальную регистрацию, так же как и все предыдущие, не отражают их реальной криминальной активности. И в данном случае высока латентность противоправных проявлений, а реальная картина пенитенциарной преступности данного вида на современном этапе нуждается в специальном исследовании.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что практически по всем элементам, составляющим в своей совокупности феномен пенитенциарной преступности, официальная статистическая информация не отражает реальной картины криминальной активности по целому ряду названных выше причин.

Возникает закономерный вопрос: так какое же количество уголовно наказуемых деяний фактически совершается в учреждениях уголовно-исполнительной системы? Полагаем, что реальные данные многократно превышают официальные. По нашей оценке, число таких преступлений может колебаться где-то в границах десятков или даже сотни тысяч преступлений в год.

Что этот вывод может означать? Полагаем, что – многое.

Прежде всего, полная регистрация и точный учет числа пенитенциарных преступлений, несомненно, вызовет увеличение их уровня и соответствующее, как нам представляется, значительное увеличение количества процессуальных производств и уголовных дел о них, а соответственно возрастание нагрузки на следственные подразделения МВД и Следственного комитета Российской Федерации, к подследственности которых относятся уголовные дела о пенитенциарных преступлениях. При этом если такое возрастание будет значительным, то названные федеральные органы, безусловно, способны инициировать вопрос либо об увеличении численности подчиненных следственных подразделений, либо о возвращении ФСИН России уголовно-процессуальных полномочий и статуса органа дознания для организации самостоятельной процессуальной деятельности. Перед УИС в этом случае возникнет значительный спектр организационных и правовых проблем.

Второе. Перечисленные выше проблемы, вытекающие одна из другой, представляют со-

бой некий замкнутый круг, разомкнуть который представляется малоперспективным, поскольку существующая ситуация по изложенным и некоторым другим проблемам может устраивать многих чиновников, представляющих взаимодействующие с УИС федеральные органы власти. Между тем, с нашей точки зрения, подобные подходы далеко отстоят от задач по противодействию пенитенциарной преступности.

Третье. Замкнутость круга проблем только внешне выглядит неразрешимой. Проблемные вопросы, сложившиеся вокруг преступности в сфере деятельности УИС, хорошо известны и исследованы в многочисленных научных разработках. Они, как представляется, начнут решаться последовательно с момента разрешения задачи полноценного учета пенитенциарных преступлений. Организационные и практические меры такой стратегии хорошо известны и не раз апробированы другими правоохранительными органами на практике.

И, наконец, замалчивание проблем, образовавшихся вокруг феномена пенитенциарной преступности, их нерешение способно приумножить негативные последствия как для социальной ситуации и общественной безопасности в России, так и для самой уголовно-исполнительной системы.

Список литературы

1. Куницын С.Н. О процессуальном статусе органов дознания ФСИН России // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2.
2. Куницын С.Н. Должностные лица органов дознания ФСИН России // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3.
3. Кубасов А.В. Надзор за дознанием и иной процессуальной деятельностью в уголовно-исполнительной системе // Законность. 2015. № 7.
4. Беляков А.В., Брыляков С.П. Дознание в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Вестник Кузбасского института. 2016. Апрель–июнь. № 2 (27).
5. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1.
6. Статистическая форма 2-УИС. В редакции приказа ФСИН России от 14.08.2019 № 675.
7. Гирько С.И., Долгополов А.А. Направления развития уголовно-процессуальной компетенции субъектов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2019. Март. № 1 (49).
8. Гирько С.И., Скударева Н.И. Стратегия восстановления уголовно-процессуальных полномочий пенитенциарным учреждениям как современный вектор развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 4.

9. Гирко С.И. Возвращение уголовно-исполнительной системе Российской Федерации процессуальных полномочий: этапность и последовательность «шагов» // Ведомости УИС. 2021. № 3 (226).
10. Гирко С.И. Обеспечение безопасности лиц в расположении исправительного учреждения и проблемы уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы на досудебном этапе судопроизводства // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Международной научно-практической конференции (11–12 октября 2018 г.). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018.
11. Ваганов А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика: Автореф. дис. ... к.ю.н. Челябинск, 2012.
12. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1.
13. Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000.
14. Жеребин В.С., Морозов В.М., Меркурьев В.В. и др. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: Монография / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. Владимир, 2005.
15. Громов В.Г. Пенитенциарная преступность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovremennoe-pravo.ru/m/articles/view/%D0%9F%D0...> (дата обращения: 17.11.2020).
16. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Форма 2-УИС месячная. Утверждена приказом ФСИН России от 14.08.2019 № 675 (последняя редакция).
17. Громов В.Г. Профилактика преступлений осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1 (11).
18. Примак А.А. О некоторых факторах латентности пенитенциарной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском федеральном округе. Красноярск, 2008.
19. Хохрин С.А. Уголовно-исполнительная характеристика пенитенциарной преступности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2.
20. Сведения о деятельности исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры. Приложение № 1 к приказу ФСИН России от 27.09.2017 № 974.
21. Статистический отчет. Работа с личным составом (форма ФСИН-7). Доступ из базы данных «Статистика».
22. Зачистка и реформирование: почему глава ФСИН сносит своих замов. Открытое ведомство. 26.03.2021. URL: <https://pasmi.ru/archive/305702/> (дата обращения: 26.03.2021).
23. Прокуратура выявила 130 фактов нарушения прав заключенных. URL: <https://pravo.ru/news/205391/> (дата обращения: 09.02.2021).

PROBLEMS AROUND CRIME IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR SOLUTION

S.I. Girko

Problem statement: in the article, the author, based on the analysis of the main problems associated with the phenomenon of crime in the penal enforcement system, analyzes the state of the criminal procedural competence of the subjects of procedural legal relations-bodies and institutions that execute sentences in the form of deprivation of liberty and forced labor and contain convicts in correctional centers, comes to the conclusion that it does not correspond to the tasks of countering penitentiary crime. Based on the analysis of data on crimes of persons sentenced to imprisonment and held in correctional institutions of the penal enforcement system, personnel of institutions and bodies of the penal enforcement system, citizens who found themselves in the location of a correctional institution for various reasons and other subjects contained in the relevant departmental statistical forms, information about the joint criminal activity of convicts and staff of correctional institutions, it examines the question of whether the officially registered information about the state of penitentiary crime corresponds to its real state.

Keywords: penal enforcement system, criminal procedural competence of subjects of the penal enforcement system, criminal procedural powers, correctional institution, penitentiary crime, latency of penitentiary crimes, criminological characteristics of crime in the penal enforcement system, the state of penitentiary crime, subjects of penitentiary crimes.

References

1. Kunitsyn S.N. On the procedural status of the bodies of inquiry of the Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2.
2. Kunitsyn S.N. Officials of the bodies of inquiry of the Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 3.
3. Kubasov A.V. Supervision of inquiry and other procedural activities in the penal enforcement system // Legality. 2015. № 7.
4. Belyakov A.V., Brylyakov S.P. Inquiry in the bodies and institutions of the penitentiary system of Russia // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. April–June. № 2 (27).
5. Shalagin A.E. Criminological characteristics and prevention of crimes committed in places of deprivation of liberty // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. № 1.
6. Statistical form 2-UIS. In the wording of the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 14.08.2019. № 675.
7. Girko S.I., Dolgoplov A.A. Directions of development of criminal procedural competence of subjects of the penal enforcement system of the Russian Federation //

Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. March. № 1 (49).

8. Girko S.I., Skudareva N.I. The strategy of restoring criminal procedural powers to penitentiary institutions as a modern vector of development of the penal enforcement system in the Russian Federation // *Man: crime and punishment*. 2018. Vol. 26. № 4.

9. Girko S.I. The return of procedural powers to the penal enforcement system of the Russian Federation: stages and sequence of «steps» // *Vedomosti UIS*. 2021. № 3 (226).

10. Girko S.I. Ensuring the safety of persons in the location of a correctional institution and the problems of criminal procedural powers of the penal enforcement system at the pre-trial stage of legal proceedings // *Penitentiary security: National traditions and foreign experience: Materials of the International Scientific and Practical Conference* (October 11–12, 2018). Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018.

11. Vaganov A.B. Criminological characteristics of penitentiary crime and its prevention: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Chelyabinsk, 2012.

12. Shalagin A.E. Criminological characteristics and prevention of crimes committed in places of deprivation of liberty // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016. № 1.

13. Russian Criminological Encyclopedia / Under the general editorship of A.I. Dolgova. M., 2000.

14. Zherebin V.S., Morozov V.M., Merkur'yev V.V., etc. Penitentiary crime: the essence and actual problems of prevention: Monograph / Under the general ed. of

Yu.I. Kalinin. Vladimir, 2005.

15. Gromov V.G. Penitentiary crime [Electronic resource]. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/%DO%9F%DO...> (Date of access: 17.11.2020).

16. Report on the state of crime among persons held in institutions of the penitentiary system of the Russian Federation. Form 2-UIS monthly. Approved by the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 14.08.2019. № 675 (latest edition).

17. Gromov V.G. Prevention of crimes of convicts in correctional institutions // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. № 1 (11).

18. Primak A.A. On some factors of latency of penitentiary crime // *Actual problems of combating crime in the Siberian Federal District*. Krasnoyarsk, 2008.

19. Khokhrin S.A. Penitentiary characteristics of penitentiary crime // *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2014. № 2-2.

20. Information on the activities of correctional centers and sites functioning as correctional centers. Appendix № 1 to the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 27.09.2017 № 974.

21. Statistical report. Work with personnel (FSIN-7 form). Access from the Statistics database.

22. Cleaning up and reforming: why the head of the FSIN demolishes his deputies. An open office. 26.03.2021. URL: <https://pasm.ru/archive/305702/> (Date of access: 26.03.2021).

23. The Prosecutor's Office revealed 130 facts of violation of prisoners' rights. URL: <https://pravo.ru/news/205391/> (Date of access: 09.02.2021).